УДК 821.161.1.0
ББК
83.3(2 Рос=Рус)6

И.А. БУНИН В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ТУРНЕ

© 2020 г. И.А. Ндяй

Институт литературоведения Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, Ольштын, Польша

Дата поступления статьи: 20 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-270-289>

Публикация подготовлена по результатам стажировки в ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына» по проекту Программы развития Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, финансируемого Европейским союзом в рамках Европейского социального фонда (Рабочая программа «Знание. Образование. Развитие»; грант POWR.03.05.00-00-Z310/17).

Аннотация: В статье исследуется рецепция творчества И.А. Бунина в межвоенной Польше. Уделяется внимание вопросу о том, как присуждение Бунину Нобелевской премии повлияло на популярность писателя в Польше. Характеризуются обстоятельства, ставшие причиной отказа на въезд в Польшу во время литературного турне писателя по странам Балтии в 1938 г. Отбор публицистического материала для данного исследования осуществлен по результатам тематического поиска за период с 1920 по 1940 гг. в системе традиционных и электронных каталогов Национальной библиотеки Польши и Библиотеки Варшавского университета. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что для литературных контактов межвоенного двадцатилетия актуальна проблема политических взаимоотношений между возрожденным Польским государством и молодой Советской Россией, а также о том, что причина несостоявшегося турне И. Бунина в Польшу объясняется политическим и литературным контекстом того времени.

Ключевые слова: Иван Бунин, рецепция, Польша, межвоенный период, литературное турне, польская периодика, польско-русские контакты.

Информация об авторе: Ивона Анна Ндяй — доктор филологии, литературовед, переводчик, профессор Института литературоведения Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, ул. К. Обитца, д. 1, 10-725 г. Ольштын, Польша.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-0474>

E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

Для цитирования: Ндяй И.А. И.А. Бунин в межвоенной Польше. Несостоявшееся турне // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 270–289.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-270-289>

BUNIN IN THE INTERWAR POLAND. A FAILED TOUR

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Iwona A. Ndiaye

*The Institute of Literary Studies
the University of Warmia and Mazury in Olsztyn,
Olsztyn, Poland*

Received: September 20, 2019

Date of publication: September 25, 2020

Acknowledgements: The publication is a result of the author's internship at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, co-financed by the European Union under the European Social Fund (Operational Programme Knowledge Education Development), as part of Development Program at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (POWR.03.05.00-00-Z310/17)

Abstract: The following paper explores the reception of Ivan Bunin's literary legacy in the interwar Poland. The question of how The Nobel Prize in Literature influenced the writer's popularity in Poland. The main aim of this article is to analyze and characterize those circumstances, which became the reason for Bunin's failure to visit Poland during his literary tour to the Baltic countries in 1938. Selected materials were taken from traditional card and online catalogues in the National Library of Poland and the University of Warsaw Library. They embrace the period from 1920 to 1940. The analysis, on the one hand, shows the problem of political relationships between the revived Polish state and young Soviet Russia and its role in the development of literary contacts in the interwar period. On the other hand, it allows us to draw conclusions about the political and literary dimensions of I. Bunin's failed tour to Poland.

Keywords: Ivan Bunin, reception, Poland, interwar period, literary tour, Polish periodicals, Polish-Russian contacts.

Information about the author: Iwona Anna Ndiaye, PhD in Philology, Literary Critic, Translator, Professor at the Institute of Literary Studies of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn, K. Obitza St. 1, 10-725 Olsztyn, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-0474>

E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

For citation: Ndiaye I.A. Bunin in the Interwar Poland. A Failed Tour. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 3, pp. 270–289. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-270-289>

В польской рецепции творчества Ивана Алексеевича Бунина мы можем выделить несколько этапов. До Первой мировой войны произведения Бунина привлекали внимание лишь немногих из критиков, среди которых были консервативно настроенные публицисты, проявлявшие крайнюю неприязнь по отношению к России. К их числу следует отнести Станислава Здзярского (Stanisław Zdziarski, 1878–1928): в книге «Dżingis-chan zmartwychwstały: studia z psychopatologii rosyjskiej» («Чингиз-хан воскресший. Исследования по русской психопатологии»), 1919, он выражает негативное отношение к русской литературе, а также к творчеству Бунина [33]. По справедливому замечанию выдающегося слависта Францишка Селицкого (Franciszek Sielicki, 1923–2001), автор этой тенденциозной книги интересовался исключительно критикой русской действительности, запечатленной в бунинской «Деревне» [31, с. 25]. Пренебрежительный тон усматривается и в публикации литературного критика Станислава Бачинского (Stanisław Baczyński, 1890–1939) о дореволюционном творчестве русского эмигранта, о чем свидетельствует его книга «Literatura w ZSRR» («Литература в СССР»), 1932 [16].

Положительные отзывы о творчестве Бунина в польской критике в межвоенный период, как правило, были немногочисленными. Так, выдающуюся ценность писательского таланта И.А. Бунина отмечал языковед и литературовед Александр Брюкнер (Aleksander Brückner, 1856–1939) во втором томе издания «Historia literatury rosyjskiej» («История русской литературы»), 1922, традиционно находя в его творчестве сходство с И.С. Тургеневым [17]¹.

1 Доклад о Бунине «Новый Тургенев» прочитала эмигрантка Е.С. Вебер-Хирьякова, самый продуктивный автор варшавской газеты «Молва» (1932–1934) на вечере, который со-

Большой вклад в процесс рецепции творчества Бунина, несомненно, внесли российские критики и литераторы, проживавшие в Польше. Следует сказать о Владимире Фишере (Włodzimierz Fiszer, 1885–1941), российском эмигранте, который последовательно осуществлял миссию популяризации русской литературы в Польше. Его статья «Z literatury rosyjskiej. Iwan Bunin» («Из русской литературы. Иван Бунин»), опубликованная в 1923 г. в журнале «Przegląd Warszawski», являлась по сути одним из первых серьезных обзоров творчества Бунина в Польше (Przegląd Warszawski. 1923. № 24. S. 406–411). Сергей Кулаковский (Sergiusz Kułakowski, 1892–1949) в книге «Pięćdziesiąt lat literatury rosyjskiej 1884–1934» («Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934») впервые представил Бунина уже как эмигрантского писателя [21]. Книга вышла накануне Второй мировой войны; ее автор жил в Польше с 1925 г., был доцентом Польского свободного народного университета в Варшаве, читал лекции по русскому языку и литературе в Варшавском университете и других высших учебных заведениях.

В межвоенной Польше русская литература переводилась достаточно активно. Именно в этот период, как подчеркивает О.В. Розинская, историк русского зарубежья, «польский книжный рынок был наводнен произведениями русской классики и современной советской литературы в оригинале и в переводах» [11, с. 13–14]. Следует, однако, заметить, что именно в это время И.А. Бунин оставался мало известным польскому читателю. Отражение этого факта находим в корреспонденции того периода. Так, В.Ф. Ходасевич в письме И.А. Бунину от 20 мая 1934 г. передавал просьбу Вацлава Ледницкого (Wacław Lednicki, 1891–1967), литературоведа, профессора Ягеллонского университета, члена редколлегии краковского ежемесячника «Przegląd Współczesny», прислать биографию:

стоялся в Русской драматической студии в Варшаве. Молодой коллектив театра, созданный В.И. Синкевич-Васильевым и Г.С. Гуляницкой, подготовил многочисленные постановки, о которых писала как польская, так и русская пресса. Особое значение театра в культурной жизни Польши заключалось в том, что он знакомил варшавских актеров и режиссеров с основами системы сценического искусства по Станиславскому. Студия просуществовала с 1932 по 1941 г.

46, av Victor Hugo,

Boulogne s/Seine

Дорогой Иван Алексеевич,

сейчас получил письмо из Польши. Спрашивают, где добыть Вашу биографию, а я забыл и никаких книг под рукой нет. В новом издании Брокгауза? В Венгеровской «Рус<ской> литературе XX века»? Где еще? Сообщите, сделайте милость <...> [4, с. 203]³.

На протяжении многих лет Бунин оставался в представлении польских читателей автором всего нескольких произведений, как правило доэмигрантского периода, чаще всего это были рассказы «Господин из Сан-Франциско» и «Деревня» [19; 20]. Следует сказать, что начальный этап знакомства польской аудитории с прозой Бунина складывался не лучшим образом.

Первое произведение Бунина, переведенное на польский язык, — это рассказ «Дело корнета Елагина» (1925), остававшийся популярным и в 1930-е гг. [18; см. о нем: 32]⁴. Внимание издателей привлекала любовная драма польской актрисы Висновской, застреленной русским офицером. Как замечает А. Хабера, «История поистине мелодраматическая. Поэтому можно предположить, что выбор переводчицы (М. Сосновской. — И.А.Н.) был продиктован не только причинами художественного толка. Повесть могла представлять интерес для широкого читателя. Оправдались ли ожидания? Трудно сказать. У нас нет сведений о количестве проданных экземпляров. Однако, во всяком случае, благодаря Сосновской, польский читатель впервые встретился с произведением автора «Темных аллей»» [15]. Рассказ многократно переиздавался, но плохой перевод Марии Сосновской дал повод для крайне критических рецензий [30, s. 146].

В какой степени присуждение И.А. Бунину Нобелевской премии в 1933 г. способствовало известности русского писателя в Польше? Ответ на этот вопрос неоднозначен, потому что даже это событие не изменило отно-

2 Имеется в виду автобиографическая заметка И.А. Бунина 1915 г. в кн.: Русская литература XX века. (1890–1910). М.: Мир, 1915. Т. II. Вып. 7 / под ред. С.А. Венгерова. С. 331–341.

3 И.А. Бунин отнесся к просьбе доброжелательно: «Дорогой друг, получил польск<ий> журнал с Вашей статьей — оч<ень> благодарю. Завтра вышло Вам биограф<ическую> заметку...» [4, с. 204].

4 В 1932 г. повесть вошла в сборник криминальных рассказов, изданный тиражом 10 000 экземпляров.

шение к Бунину, польская пресса весьма сдержанно высказывалась о творчестве лауреата. При этом в польских обзорах не хватало оригинальной критической мысли, собственного подхода. Тон газетных статей был, как правило, неблагоприятным, а иногда чрезмерно критичным: присуждение Нобелевской премии Бунину трактовалось как политический акт, направленный против Советской России. Симпатии польских критиков были на стороне другого кандидата на премию — Д.С. Мережковского, не менее яростного врага советской власти (см. главу о Мережковском в книге Т.В. Марченко [9]). Русские эмигранты в Варшаве, где Мережковский жил первые месяцы своей эмиграции, также высказывались в пользу автора трилогии «Христос и Антихрист». Имя Мережковского встречалось на страницах варшавских газет чаще, чем имя Бунина. Польские критики и писатели открыто выражали свое удивление по поводу решения Нобелевского комитета.

Из публикации в публикацию проскакивали схожие высказывания, при этом их авторы не утруждали себя погружением в творчество Бунина, анализом конкретных произведений (см. подробнее: [15]). На страницах польского еженедельника «Wiadomości Literackie» (1924–1939) находим заметку писателя Теодора Парницкого (Teodor Parnicki, 1908–1988) «Bunin po polsku» («Бунин на польском языке»), в которой он, с одной стороны, характеризовал творчество Бунина как выдающегося писателя, называя его «самым блестящим русским новеллистом XX века», но с другой — замечал, что «есть сегодня в России <...> писатели, более заслуживающие эту высочайшую литературную награду» (Wiadomości Literackie. 1934. № 36 (563). S. 4)⁵. В таком же духе или более резко выражали свое мнение и другие критики. К ним присоединился даже Сергей Кулаковский, высоко ценивший литературный талант И.А. Бунина. Статья «Iwan Bunin» («Иван Бунин»), в которой он знакомит польского читателя с личностью лауреата Нобелевской премии, начиналась так: «В прошлом году кандидатом на эту награду был символист Мережковский. Поэтому русский литературный мир немного удивлен признанием, которое сейчас проявлено в отношении Бунина, типичного представителя реализма» (Wiadomości Literackie. 1933. № 54 (525). S. 3)⁶.

5 Здесь и далее все цитаты, если нет ссылки на другой источник, приведены в нашем переводе. — И.А.Н.

6 Как известно, Д.С. Мережковский выдвигался на Нобелевскую премию многократно. Более подробно об этом см. в публикациях Т.В. Марченко [7; 8; 9, с. 61–99].

Заметим, что даже анонс о планируемом издании произведений Бунина в переводе на польский язык, вслед за присуждением ему Нобелевской премии, сопровождался особым комментарием. В журнале «Rocznik Literacki» литературный критик-русист Рафал М. Блют (Rafał Marcełi Blüth, 1891–1939), один из друзей-поляков Д.В. Филофова [24], в 1933 г. писал: «<...> издатель Алданова — Пшеворский, заявляет сейчас об издании переводов Нобелевского лауреата — Бунина. Ждем с интересом это издание, которое расширит наши знания об эмигрантском русском творчестве. Кажется, исчезнет скука, которую невольно наводит Алданов. Ну... кто же знает, не останется ли холод и не будет ли он еще больше»⁷.

В 1934 г. появились первые переводы важнейших произведений Бунина (раньше он был известен только как автор рассказа «Дело корнета Елагина», о чем писалось выше). Издательская фирма Я. Пшеворского подготовила к публикации трехтомное собрание сочинений И.А. Бунина: «Первый том под заглавием “Деревня” включал повести “Деревня” и “Суходол” в переводе Зофьи Петресовой⁸; во второй, озаглавленный “Господин из Сан-Франциско”, вошли двадцать четыре рассказа в переводе Вацлава Роговича, а в третий — “Чаша жизни” — восемнадцать рассказов, переведенных Яном Пшеворским» [15, с. 79]. Издание получило неоднозначную оценку критики, что, возможно, определило дальнейшую судьбу публикации произведений Бунина в Польше. В силу того, что интерес к творчеству русского классика значительно уменьшился, данный издательский проект не был продолжен.

В польской прессе находим немногочисленные материалы, посвященные Бунину (см. статьи В. Фишера «И.А. Бунин, нобелевский лауреат», «Проза Бунина»⁹; Р. Блюта «Проза поэта Бунина»¹⁰). Некоторое равновесие в процессе рецепции творчества Бунина в межвоенный период сохранялось благодаря русской эмигрантской прессе, издаваемой в Польше. После

7 Blüth R. Literatura rosyjska // Rocznik Literacki za rok 1933 / pod red. Z. Szwejkowskiego. Warszawa: Instytut Literacki, 1934. S. 190–203.

8 В статье А. Хаберы опечатка. Правильно: Зофьи Петресовой. — *Прим. ред.*

9 Fiszer W. I.A. Bunin, laureat Nobla // Wiedza i Życie. 1934. № 1. S. 78–80; Fiszer W. Proza Bunina // Tygodnik Ilustrowany. 1934. № 38. S. 752.

10 Blüth R. Proza poety Bunina // Verbum. 1935. № 2 [przedruk: Blüth R. Literatura rosyjska // Rocznik Literacki za rok 1934 / pod red. Z. Szmydtowej. Warszawa: Instytut Literacki, 1935. S. 181–183].

присуждения Ивану Алексеевичу Нобелевской премии в варшавской газете «Молва» появились материалы о жизни и творчестве великого современника, которые, в основном, перепечатывались из других эмигрантских изданий¹¹. Кроме того, публиковались статьи местных эмигрантов (см. например, публикацию Д. Философова «Иван Бунин и Карл Радек»¹²).

Русское эмигрантское сообщество с нетерпением ожидало приезда Бунина в Варшаву. Помощь в организации авторских вечеров предлагал президиум Варшавского Пушкинского Комитета, о чем в 1935 г. сообщалось на страницах печатного органа Союза польских учителей «Miesięcznik Literatury i Sztuki». В газетной заметке Бунин позиционировался как выдающийся русский писатель — нобелевский лауреат и переводчик поэзии Адама Мицкевича.

Напомним, что весной 1938 г. Бунин совершил трехнедельное литературное турне по странам Балтии. Поездка писателя планировалась давно, еще в 1933 г., о чем Андрей Седых, один из главных инициаторов этого тура, сообщал в рижской русскоязычной газете «Сегодня». В перечне крупных городов, в которых предполагалось чтение цикла лекций, фигурировала и Варшава: «Импресарио предлагают Бунину прочесть 20 лекций в крупнейших европейских центрах. Главное внимание будет, конечно, уделено городам с большим русским населением: Риге, Ревелю, Двинску, Вильне, Варшаве и т. д.» (И.А. Бунин перед отъездом в Стокгольм // Сегодня. 1933. № 328. С. 3). Подтверждение этих планов находим также в более поздних публикациях, в частности, в обзоре «Злобы дня русского Парижа» (1937) А. Седых сообщал: «Бунин подумывает о поездке в Балтийские страны. Следует оговориться: все это пока что относится к области предположений. Ивану Алексеевичу предлагали совершить турне в Латвию, Литву, Эстонию и Польшу. Около 20 литературных вечеров: чтение беллетристических произведений, воспоминания. Если будут устранены различные препятствия, поездка состоится в средних числах января. И.А. Бунин давно мечтает подышать морозным воздухом Риги, Таллинна, Каунаса и Варшавы» (Новое русское слово. 1937. № 9089. С. 5; Сегодня. 1937. № 348. С. 3).

11 И.А. Бунин в Париже // Молва. 1933. № 276 (499). С. 3; Чествование в Париже — Бунин в Стокгольме // Молва. 1933. № 278 (501). С. 3–4. Ср.: Chodasiewicz W. Iwan Bunin // Miscellanea Slawistyczne. Kraków: Kasa im. Mianowskiego, 1937. S. 47–62.

12 Философов Д. Иван Бунин и Карл Радек // Молва. 1933. № 267 (490). С. 2.

Поездка Бунина в Польшу, после запланированного посещения Швейцарии, Италии, Чехословакии, Великобритании, Югославии, балтийских стран, казалась логичным продолжением европейского маршрута.

Во-первых, Варшава являлась, хотя и не крупным, но активным центром эмигрантской литературной жизни¹³. Именно в варшавской среде рождались первые ростки самосознания русской эмигрантской литературы, созревающие в недрах литературных содружеств «Таверна поэтов» (1921–1925), «Священная лира» (1929–1935), а также проекта образования на чужбине литературной Академии, выдвинутого публицистом Д. Философовым. Вопреки всем политическим разногласиям польско-русские культурные связи межвоенного периода стали положительным примером взаимных контактов. Лучшее доказательство этому — встречи в литературном дискуссионном клубе «Домик в Коломне», которые проходили с участием представителей польской интеллигенции¹⁴. Тесные контакты с варшавской эмигрантской средой поддерживали писатели из ближайшего окружения Бунина — Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Тэффи и др.

Во-вторых, можно говорить о личном интересе Бунина к Польше. Писатель неоднократно выражал свое мнение о роли Польши в контексте актуальных событий. Показательно дореволюционное суждение писателя, согласно которому Польша — часть Запада и одновременно часть славянского мира, воспринимавшаяся Буниным как ближайший посредник между Россией и Западом. В ситуации разразившегося европейского конфликта Бунин высказал мнение о необходимости оказать материальную помощь полякам, пострадавшим во время первой мировой войны. В анкете «Будущее русско-польских отношений», опубликованной в «Биржевых ведомостях» (1914, № 14430, с. 4), он констатировал: «Польский народ соединяет

13 В межвоенный период поляки составляли от 64 до 69,2% населения, русское меньшинство — около 138 700 человек, а по данным представителей русской диаспоры — 300 000. См. текст письма-обращения русского меньшинства, которое было вручено президенту Польши и опубликовано на страницах печатного органа Института исследований по вопросам национальностей (Instytut Badań Spraw Narodowościowych), действовавшего в 1920–1939 гг. («Sprawy Narodowościowe». 1938. № 3. С. 300). Согласно данным переписи 1931 г., поляки составляли 68,9%, а русское население на территории Польши — 0,4% от общей численности страны. При этом следует подчеркнуть, что в ходе переписи вопрос о национальности не задавался, респонденты отвечали лишь на вопросы, касающиеся родного языка и вероисповедания. См.: [10, с. 315]. Ср.: [34].

14 Данная тема получила подробное освещение в следующих исследованиях: [23; 25; 26; 27; 28; 29].

в себе драгоценные славянские черты с европейской культурой, и единение с ним для нас особенно ценно»¹⁵. Следует также заметить, что Бунин проявлял интерес к польской литературе. Особенно высоко он ценил талант Генрика Сенкевича (Henryk Sienkiewicz, 1846–1916; автор исторических романов, лауреат Нобелевской премии 1905 г.). Уделял внимание польской поэзии: перевел несколько стихотворений Адама Асныка (Adam Asnyk, 1838–1897) и три «Крымских сонета» Адама Мицкевича (Adam Mickiewicz, 1798–1855), ради чего изучал польский язык, о чем в 1915 г. писал в «Автобиографической заметке» [3, с. 261].

В-третьих, остается открытым вопрос о польском происхождении рода Буниных, история которого записана в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи»: «Род Буниных <...> происходит от выехавшего к Великому князю Василию Васильевичу из Польши мужа знатного Симеона Бунковского» [6, с. 287]¹⁶. Сам Бунин охотно поддерживал эту версию, о чем свидетельствует его переписка с Владиславом Ходасевичем (1926–1939) от 20 мая 1934 г.:

В.Ф. Ходасевич — И.А. Бунину

46, av<enue> Victor Hugo,

Boulogne s/Seine

Дорогой Иван Алексеевич

<...> В частности, прочитав мою статью о Вас, поляки вывели заключение, что в таком великом человеке должна же быть польская кровь. А если не в Вас, то хотя бы в Вере Николаевне. Они что-то такое слышали и требуют от меня точных сведений. Помогите, пожалуйста.

Обнимаю Вас, Вере Николаевне *padam do nóg*¹⁷.

Władysław Chodasiewicz

20 мая 1934.

15 Цит. по: Pro Polonia. Zbiór dokumentów, odezów, głosów prasy europejskiej i osób wybitnych o Polsce i Polakach w okresie Wojny Europejskiej. Warszawa: Księgarnia Mazowiecka, 1915. 32 s. Ср.: Orłowski J. Polska w publicystyce pisarzy rosyjskich w latach pierwszej wojny światowej // Napis. Ser. VII. 2001. S. 493–500. См. также: Głosy poetów i literatów rosyjskich o Polsce // Świat. 1914. № 46. S. 11.

16 Следует отметить, что ряд биографов (Ю.Д. Гончаров, О.Н. Михайлов, С.Н. Морозов и др.) высказывают сомнение в иностранном (литовском или польском) происхождении писателя. См.: [5, с. 79–179].

17 *Padam do nóg* (польск.) — припадаю к ногам.

И.А. Бунин — В.Ф. Ходасевичу

28 мая 1934 г. Грасс

<...> Конечно, я поляк и даже вдвойне: Каспрович¹⁸ покойный был женат на Буниной.

Ваш Ив. Б. [4, с. 203–204]

Таким образом, интерес И. Бунина к Польше объясняется как биографическими, так и литературными фактами. Однако, как отмечает А.В. Бакунцев в статье «Турне И.А. Бунина по странам Балтии», опубликованной в «Новом журнале» за 2013 г. [2], Польша не дала свое согласие принять Бунина (см. также: [1]).

Такой поворот событий, несомненно, вызывает исследовательский интерес. Но судить о действительных причинах несостоявшегося турне весьма сложно. К сожалению, нам не удалось обнаружить каких-либо источников, из которых явствовало бы собственное мнение Ивана Алексеевича по поводу поездки в Польшу, ее организации и срыва. Поэтому предположения по поводу тех политических обстоятельств, которые могли препятствовать приезду Бунина в Польшу, строятся на основе анализа доступных нам архивных материалов и публицистических текстов.

В рижской газете «Сегодня» [14] обнаружена статья варшавского корреспондента «Почему И.А. Бунин не приехал в Польшу» (1936), где читаем: «Варшава, 10 мая. Появившееся во многих польских и зарубежных газетах сообщение о предстоящем приезде в Польшу нобелевского лауреата И.А. Бунина, который предполагал выступить в Варшаве и некоторых других крупных городах с чтением своих произведений, вызвало, конечно, огромный интерес среди русского населения. С большим вниманием отнеслись к ожидавшемуся визиту и те польские литературные круги, которые узнали о готовящемся посещении знаменитого русского беллетриста. Намечено было и устройство “чашки кофе” одной из крупных польских литературных организаций. Президиум варшавского Пушкинского Комитета решил взять на себя организацию русской “чашки чая” в честь И.А. Бунина. Называли даже день публичного выступления писателя, который, как передают, имел в виду не делать никакого доклада, а ограничиться чте-

18 Ян Каспрович (Jan Kasproicz, 1860–1926) — польский поэт, филолог, переводчик, ректор Львовского университета.

нием своих рассказов и воспоминаний о Льве Толстом. Между тем, стало известно, что приезд И.А. Бунина, теперь, весной, не состоится и ожидать его можно не раньше осени. Писатель получил в польском консульстве в Париже въездную визу и, по-видимому, уже готовился к поездке, как вдруг оказалось, что публичное его выступление было признано в настоящий момент нежелательным. Говорят, что через несколько месяцев препятствий не встретится. По слухам, не было возражений против выступления Бунина в закрытом собрании, но вряд ли имело бы смысл читать рассчитанные на широкую публику рассказы в собрании, на которое не имел бы доступа каждый, кто желал бы видеть и слышать знаменитого писателя» (Почему И.А. Бунин не приехал в Польшу (От варшавского корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1936. № 131. С. 8).

Цитируем еще один источник, который не оставляет сомнений в политических причинах отказа на въезд нобелевского лауреата в Польшу: «Мы упоминали также о возможном приезде в Латвию нобелевского лауреата Ив. А. Бунина, который в связи с предполагавшимся посещением Польши мог также побывать и в Латвии. Но, как известно, Бунину в Польшу не был разрешен въезд. В последнем номере популярной польской литературной газеты «Вядомости Литерацке» известный польский писатель Антон Слонимский резко выступает против недопущения литературного публичного выступления И.А. Бунина в Польше. «В последнее время, — пишет Слонимский, — усилились репрессии в области прессы и искусства. Прежде всего очутилось под запретом все, что имеет какую-либо связь с Россией». Касаясь вопроса о недопущении Бунина в Польшу, Слонимский говорит: «Публичные выступления лауреата Нобеля в Варшаве были признаны нежелательными. Казалось бы, что Нобелевская премия является достаточной рекомендацией для получения визы и права выступления. Можно было бы подумать, что неудобно раздражать советских представителей в Варшаве, но вернее, следует предположить, что это язык, на котором Бунин пишет, так враждебно настроил наши власти» (Из блокнота репортера // Для Вас: еженедельный иллюстрированный журнал. 1936. № 25. С. 24).

По мнению современной польской переводчицы Р. Лис, причины официального отказа со стороны польских властей на въезд Бунина в Польшу следует усматривать в тенденциях тогдашней политики по отношению к Советской России. В книге «W lodach Prowansji. Bunin na wygnaniu»

(«Во льдах Прованса. Бунин в изгнании»)¹⁹ исследовательница пишет: «1938. На переломе апреля и мая, с серией авторских вечеров, посещает Литву, Латвию и Эстонию. <...> Дает интервью, в котором определяет себя как человека с польско-литовскими корнями, чем восстановил против себя значительную часть русских, проживающих в прибалтийских государствах. Не посещает также Печорского края, хотя у него была такая возможность. Зато хочет ехать в Варшаву, однако польские власти не дают согласие, чтобы не дразнить Сталина» [22, с. 384].

Таким образом, несостоявшееся турне нобелевского лауреата далее рассматриваем на фоне польско-советских отношений. В этом контексте следует подчеркнуть весьма противоречивый характер этих отношений.

1920–1940 гг. характеризовались рядом сложных событий и явлений, неожиданными поворотами. После подписания Рижского мира отношения между Россией (далее — СССР) и Польшей отличались высокой степенью напряженности. Среди многих причин, которые затрудняли государственные контакты, а также сосуществование русских эмигрантов с польским обществом, историки указывают на то, что обе страны по-разному понимали собственные государственные интересы. Войцех Станиславский, научный сотрудник Центра восточных исследований в Варшаве, называет две основные причины сложившейся ситуации: «с одной стороны, бремя “польской коллективной памяти” и неблагоприятных стереотипов о русских, с другой — принципиальный, неразрешимый в тогдашних обстоятельствах спор между государственными соображениями Польши и России (“белой” России)» [13].

Свидетельством польской политики в отношении русской литературы являются публикации пропагандистского характера о литературе в СССР. Холодное, неоднозначное отношение к Бунину в 1930-е гг. со сто-

19 Как отмечает Э. Соболев, «Важной чертой книги Ренаты Лис <...> является ее сильвический* характер, проявляющийся в соединении в одно целое разнородных текстов: эссе, интерпретаций произведений, репортажей, фрагментов дневников, писем, а также переводов, выполненных автором. Здесь можно найти и общие рассуждения на тему положения эмигранта: что это — отклонение от судьбы или судьба сама по себе? — задается вопросом исследовательница. Еще одно преимущество такой позиции — как раз постановка волнующих вопросов, которые открывают широкий спектр возможностей для интерпретации [*Сильвическая литература (от лат. *silva* — лес) — понятие, введенное польским теоретиком литературы Рышардом Нычем для обозначения открытых форм в современной прозе. — Прим. пер. О. Лободзинской]» [12].

роны значительной части польских литературных критиков Францишек Селицкий объясняет следующими обстоятельствами: «Одним из них была принадлежность писателя к русской эмиграционной литературе, явно игнорируемой в Польше, особенно симпатиками Советского Союза, у которых отрицательное к ней отношение вытекало из идеологических предпосылок. Другим таким обстоятельством надо считать то, что не находило у нас одобрения бесстрастное, “наблюдательное” отношение автора “Господина из Сан-Франциско” к изображаемой действительности, избегание им общественно-политических вопросов. Это, в свою очередь, вытекало из тогдашней политической действительности в Польше, напряженной, разжигающей идеологические споры (это видно, хотя бы, на примере тогдашней польской литературы)» [31, с. 40].

Осознание тонкой художественности творчества последнего русского классика приходит позже, а наслаждение произведениями Бунина для польского читателя стало возможным лишь в 1957 г., когда вышло из печати переиздание его прозы. Добавим, что лирико-автобиографическая книга «Жизнь Арсеньева», занимающая столь важное место в наследии Бунина, была опубликована на польском языке только в 1967 г. [15, с. 79]. Автором перевода был Ярослав Ивашкевич (Jarosław Iwaszkiewicz, 1894–1980), польский писатель, поэт и драматург, председатель Союза польских писателей, переводчик русской литературы, который признавал, что даже в послевоенный период творчество Бунина оставалось малоизвестным: «Так сложилось, что Бунина я практически не читал. Когда-то, сразу после получения им Нобелевской премии, пару рассказов — и всё. Но недавно я получил из Москвы предпоследний том собрания сочинений Бунина с предисловием Константина Паустовского. Помимо новелл, туда вошло прозаическое произведение под названием “Жизнь Арсеньева” <...>. Признаюсь, что “Жизнь Арсеньева” произвела на меня большое впечатление. Оно тем важнее, что неожиданное открытие помогло мне узнать действительно прекрасного, великого писателя, о котором мне так мало было известно. <...> Я также думаю, что именно с “Жизни Арсеньева” следовало бы начинать знакомство с Буниным польскому читателю <...>» (цит. по: [15])²⁰.

20 Ярослав Ивашкевич переводил также другие произведения Ивана Бунина. В предисловии к переводу повести «Суходол» польский писатель отмечал мотивы в творчестве Бунина, созвучные его собственным настроениям (Twórczość. 1968. № 8).

Таким образом, попытка выявить возможные причины несостоявшегося турне Бунина в Польшу неизбежно заставляет нас перенести акцент на политические обстоятельства. Значимым остается тот факт, что полемика вокруг творчества Бунина, развернувшаяся в польской периодике, осуществлялась на фоне польско-русских контактов и достаточно сложной политической обстановки того времени. Новый, свободный от политических ограничений этап рецепции творчества Ивана Алексеевича Бунина стал возможным в Польше только во второй половине XX в.

Список литературы

- 1 *Бакунцев А.В.* И.А. Бунин в Прибалтике: литературное турне 1938 года. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. 153 с.
- 2 *Бакунцев А.В.* Как готовилось бунинское турне. Турне И.А. Бунина по странам Балтии // Новый журнал. 2013. № 270. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/b23.html> (дата обращения: 20.05.2019).
- 3 *Бунин И.А.* Автобиографическая заметка // *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова и др., примеч. О.Н. Михайлова и др. М.: Худож. лит., 1965–1967. Т. 9: Освобождение Толстого; О Чехове; Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи. 1967. 622 с.
- 4 И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1939_prerepiska_s_khodasevichem.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
- 5 *Гончаров Ю.Д.* Вспоминая Паустовского. Предки Бунина. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1972. 180 с.
- 6 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.
- 7 *Марченко Т.В.* «В конце концов будем надеяться»: несостоявшаяся Нобелевская премия // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 61–99.
- 8 *Марченко Т.В.* В ожидании «чуда» (Нобелевские мытарства Дмитрия Мережковского) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 1. С. 25–35.
- 9 *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Böhlau Verlag, 2007. 626 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte/ Reihe A: Slavistische Forschungen, Band 55.)
- 10 *Ндэй И.А.* «Дезинтоксикация польской души» в эмигрантской публицистике Д. Философова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом Русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 315–323.
- 11 *Розинская О.В.* Русская литературная эмиграция в Польше (1920–30-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 16 с. URL: <http://cheloveknauka>.

- com/russkaya-literaturnaya-emigratsiya-v-polshe (дата обращения: 21.05.2019).
- 12 *Соболь Э.* Бунин на чужбине / пер. с польск. О. Лободзинская // Новая Польша. 2015. № 10. С. 66–68.
- 13 *Станиславский В.* Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша. 2002. № 5. С. 17–22.
- 14 *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х гг.: в 5 кн. Stanford: Stanford Slavic Studies, 1997. Кн. 3: Конеч демократии. 472 с.
- 15 *Хабера А.* Поляки об Иване Бунине // Новая Польша. 2015. № 10. С. 79–84.
- 16 *Baczyński S.* Literatura w ZSRR. Kraków; Warszawa: Wyd. Literacko-Naukowego w Krakowie, 1932. 165 s.
- 17 *Brückner A.* Historia literatury rosyjskiej. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1922. T. 2: 1825–1914. 408 s.
- 18 *Bunin I.* Maria Sosnowska (Sprawa korneta Jełagina) / przeł. J.M. Warszawa: Wyd. J.B. Kondeckiego, 1927. 158 s.
- 19 *Bunin I.* Pan z San-Francisco / przeł. W. Rogowicz. Warszawa: Wyd. J. Przeworskiego, 1934. 292 s.
- 20 *Bunin I.* Wieś / przeł. Z. Petersowa. Warszawa: Czytelnik, 1934. 322 s.
- 21 *Kułakowski S.* Pięćdziesiąt lat literatury rosyjskiej 1884–1934. Warszawa: Księgarnia F. Hoesicka, 1939. 426 s.
- 22 *Lis R.* W lodach Prowansji. Bunin na wygnaniu. Warszawa: Sic!, 2015. 432 s.
- 23 *Mitzner P.* Warszawski “Domek w Kołomnie”: rekonstrukcja. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Kardynała Stanisława Wyszyńskiego w Warszawie, 2015. 232 s.
- 24 *Mitzner P.* Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Kardynała Stanisława Wyszyńskiego w Warszawie, 2015. 256 s.
- 25 *Obłakowska-Galanciak I.* [Ndiaye I.A.] Из истории русско-польских литературных связей межвоенного периода (по статьям Дмитрия Философова) // Acta Polono-Ruthenica. 1996. T. I. S. 105–112.
- 26 *Obłakowska-Galanciak I.* [Ndiaye I.A.] Из истории русской эмиграции межвоенного периода. Проект литературной академии // Studia Rossica. 1997. T. 3. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. S. 131–136.
- 27 *Obłakowska-Galanciak I.* [Ndiaye I.A.] W duchu Puszkina. Dyskusyjny klub literacki “Domek w Kołomnie” (Warszawa 1934–1936) // Acta Polono-Ruthenica. 1998. T. III. S. 283–292.
- 28 *Obłakowska-Galanciak I.* [Ndiaye I.A.] Dymitr Fiłosofow i idea wzajemności polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych okresu międzywojennego // Acta Polono-Ruthenica. 2000. T. V. S. 161–170.
- 29 *Obłakowska-Galanciak I.* [Ndiaye I.A.] Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa na emigracji. Olsztyn: WSP, 2001. 191 s.

- 30 *Piwnik E.* Iwan Bunin w Polsce (szkic problemu) // Przegląd Humanistyczny. 1975. Nº 10 (121). S. 145–160.
- 31 *Sielicki F.* Iwan Bunin w Polsce Międzywojennej (W setną rocznicę urodzin) // Studia Rossica Posnaniensia. 1972. T.3. S. 25–41.
- 32 *Skupińska S.* Warszawska femme fatale i rosyjski huzar. Nad opowieścią Iwana Bunina «Sprawa korneta Jełagina» // Studia Słowianoznawcze. 2006. Nº 6. S. 351–371.
- 33 *Zdziarski S.* Dżingis-chan zmartwychwstał. Studia z psychopatologii rosyjskiej. Poznań: Wyd. Księgarni św. Wojciecha, 1919. T. 2. 245 s.
- 34 *Zienkiewicz T.* Geografia rosyjskiego życia literackiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej // Wilno i kresy Północno-Wschodnie. Materiały II Międzynarodowej Konferencji w Białymstoku, 14–17 IX 1994 r. / red. E. Feliksiak, A. Kiezuń. Białystok: Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. 1996. T. 4: Literatura. 324 s.

References

- 1 Bakuntsev A.V. *I.A. Bunin v Pribaltike: literaturnoe turne 1938 goda* [I.A. Bunin in the Baltic states: literary tour in 1938]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna Publ., 2012. 153 p. (In Russ.)
- 2 Bakuntsev A.V. Kak gotovilos' buninskoe turne. Turne I.A. Bunina po stranam Baltii [How was Bunin's tour prepared? Tour of I.A. Bunin in the Baltic countries]. *Novyi zhurnal*, 2013, no 270. Available at: <http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/b23.html> (Accessed 20 May 2019). (In Russ.)
- 3 Bunin I.A. Avtobiograficheskaia zametka [Autobiographical note]. In: Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.], ed. A.S. Miasnikova et al., comm. by O.N. Mikhailova et al. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. Vol. 9: Osvobozhdenie Tolstogo; O Chekhove; Izbrannye biograficheskie materialy, vospominaniia, stat'i [Liberation of Tolstoy; About Chekhov; Selected Biographical Materials, Memoirs, Articles]. 1967. 622 p. (In Russ.)
- 4 *I.A. Bunin: Nove materialy* [I.A. Bunin: New materials]. Issue I, comp., ed. by O. Korosteleva, R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)
- 5 Goncharov Iu.D. *Vspominaia Paustovskogo. Predki Bunina* [Remembering Paustovsky. Ancestors of Bunin]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1972. 180 p. (In Russ.)
- 6 *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of life and work of I.A. Bunin], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. Vol. 1: 1870–1909. 944 p. (In Russ.)
- 7 Marchenko T.V. "V kontse kontsov budem nadeiat'sia": nesostoiavshaia Nobelevskaia premiia ["In the end, let's hope": the failed Nobel Prize]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2001, no 15, pp. 61–99. (In Russ.)
- 8 Marchenko T.V. V ozhidanii "chuda" (Nobelevskie mytarstva Dmitriia Merezhevskogo) [Waiting for a "miracle" (Nobel ordeals of Dmitry Merezhkovsky)]. *Izvestiia RAN. Serii literatury i iazyka*, 2000, vol. 59, no 1, pp. 25–35. (In Russ.)
- 9 Marchenko T. *Russkie pisateli i Nobelevskaia premiia (1901–1955)* [Russian writers and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln; München: Böhlau Verlag, 2007. 626 p. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A: Slavistische Forschungen, Band 55.) (In Russ.)
- 10 Ndiaye I.A. "Dezintoksikatsiia pol'skoi dushi" v emigrantskoi publitsistike D. Filosofova ["Detoxification of the Polish soul" in emigrant essays by D. Filosofov]. In: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad]. Moscow, Dom Russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna Publ., 2016, pp. 315–323. (In Russ.)
- 11 Rozinskaia O.V. *Russkaia literaturnaia emigratsiia v Pol'she (1920–30-e gody): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian literary emigration in Poland (1920–30s): PhD thesis, summary]. Moscow, 2000. 16 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/russkaya-literaturnaya-emigratsiya-v-polshe> (Accessed 21 May 2019). (In Russ.)

- 12 Sobol' E. Bunin na chuzhbine [Bunin in a foreign land], transl. from Polish by O. Lobodzinskaia. *Novaia Pol'sha*, 2015, no 10, pp. 66–68. (In Russ.)
- 13 Stanislavskii V. Russkaia emigratsiia v Varshave [Russian emigration in Warsaw]. *Novaia Pol'sha*, 2002, no 5, pp. 17–22. (In Russ.)
- 14 Fleishman L., Abyzov Iu., Ravdin B. *Russkaia pechat' v Rige: Iz istorii gazety "Segodnia" 1930-kh gg.: v 5 kn.* [Russian press in Riga: From the history of the newspaper *Today* in the 1930s: in 5 books]. Stanford, Stanford Slavic Studies, 1997. Book 3: Konets demokratii. 472 p. (In Russ.)
- 15 Khabera A. Poliaki ob Ivane Bunine [The Polish about Ivan Bunin]. *Novaia Pol'sha*, 2015, no 10, pp. 79–84. (In Russ.)
- 16 Baczyński S. *Literatura w ZSRR*. Cracow, Warszawa, wyd. Literacko-Naukowego w Krakowie, 1932. 165 s. (In Polish)
- 17 Brückner A. *Historia literatury rosyjskiej*. Lwów, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1922. T. 2: 1825–1914. 408 s. (In Polish)
- 18 Bunin I. *Maria Sosnowska (Sprawa korneta Jelagina)*, przeł. J.M. Warszawa, wyd. J.B. Kondeckiego, 1927. 158 s. (In Polish)
- 19 Bunin I. *Pan z San-Francisco*, przeł. W. Rogowicz. Warszawa, wyd. J. Przeworskiego, 1934. 292 s. (In Polish)
- 20 Bunin I. *Wież*, przeł. Z. Petersowa. Warszawa: Czytelnik, 1934. 322 s. (In Polish)
- 21 Kułakowski S. *Pięćdziesiąt lat literatury rosyjskiej 1884–1934*. Warszawa, Księgarnia F. Hoesicka, 1939. 426 s. (In Polish)
- 22 Lis R. *W lodach Prowansji. Bunin na wygnaniu*. Warszawa, Sic!, 2015. 432 s. (In Polish)
- 23 Mitzner P. *Warszawski "Domek w Kołomnie": rekonstrukcja*. Warszawa, wyd. Uniwersytetu Kardynała Stanisława Wyszyńskiego w Warszawie, 2015. 232 s. (In Polish)
- 24 Mitzner P. *Warszawski krąg Dymitra Filosofowa*. Warszawa, wyd. Uniwersytetu Kardynała Stanisława Wyszyńskiego w Warszawie, 2015. 256 s. (In Polish)
- 25 Obląkowska-Galanciak I. [Ndiaye I.A.] Iz istorii russko-pol'skikh literaturnykh svyazei mezhoennogo perioda (po stat'iam Dmitriia Filosofova) [From the history of Russian-Polish literary relations of the interwar period (according to the articles of D. Filosofov)]. *Acta Polono-Ruthenica*, 1996, t. I, s. 105–112. (In Russ.)
- 26 Obląkowska-Galanciak I. [Ndiaye I.A.] Iz istorii russkoi emigratsii mezhoennogo perioda. Proekt literaturnoi akademii [From the history of the Russian emigration of the interwar period. Literary Academy Project]. *Studia Rossica*, 1997, t. 3: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia, s. 131–136. (In Russ.)
- 27 Obląkowska-Galanciak I. [Ndiaye I.A.] W duchu Puszkina. Dyskusyjny klub literacki "Domek w Kołomnie" (Warszawa 1934–1936). *Acta Polono-Ruthenica*, 1998, t. III, s. 283–292. (In Polish)

- 28 Obląkowska-Galanciak I. [Ndiaye I.A.] Dymitr Filosofow i idea wzajemności polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych okresu międzywojennego. *Acta Polono-Ruthenica*, 2000, t. V, s. 161–170. (In Polish)
- 29 Obląkowska-Galanciak I. [Ndiaye I.A.] *Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Filosofowa na emigracji*. Olsztyn, WSP, 2001. 191 s. (In Polish)
- 30 Piwnik E. Iwan Bunin w Polsce (szkic problemu). *Przegląd Humanistyczny*, 1975, no 10 (121), s. 145–160. (In Polish)
- 31 Sielicki F. Iwan Bunin w Polsce Międzywojennej (W setną rocznicę urodzin). *Studia Rossica Posnaniensia*, 1972, t. 3, s. 25–41. (In Polish)
- 32 Skupińska S. Warszawska femme fatale i rosyjski huzar. Nad opowieścią Iwana Bunina "Sprawa korneta Jelagina". *Studia Słowiańszczyńskie*, 2006, no 6, s. 351–371. (In Polish)
- 33 Zdziarski S. *Dżingis-chan zmartwychwstał*. *Studia z psychopatologii rosyjskiej*. Poznań, wyd. Księgarni św. Wojciecha, 1919. T. 2. 245 s. (In Polish)
- 34 Zienkiewicz T. Geografia rosyjskiego życia literackiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. *Wilno i kresy Północno-Wschodnie*. Materiały II Międzynarodowej Konferencji w Białymstoku, 14–17 IX 1994 r., ed. by E. Feliksiak, A. Kieźuń. Białystok, Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. 1996. T. 4: Literatura. 324 s. (In Polish)